

DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-3-304-315

EDN: JRKYAY

Научная статья / Research article

Институт заложничества в римской политической практике в конце Республики и в начале Империи

В.О. Никишин

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация

✉ cicero74@mail.ru

Аннотация. Актуальность темы обусловлена тем обстоятельством, что даже на исходе первой четверти XXI в. термин «заложники», обозначающий лиц, противоправно удерживаемых для достижения какой-либо цели (военной, политической, экономической и т.п.), отнюдь не исчез из политического словаря. Безусловно, между политическим институтом заложничества, получившим широкое распространение в древнем мире и являвшимся важным элементом дипломатической практики той эпохи, и заложниками, которых в новейшее время неоднократно захватывали и насильно удерживали террористы и экстремисты всех мастей, не останавливавшиеся перед убийством или нанесением тяжкого вреда здоровью захваченных ими людей, пролегла дистанция огромного размера. Цель исследования — выявить особенности института заложничества в античности на примере древнего Рима. Проанализировав источники, автор пришел к выводу: если в эпоху Республики эпизодов, связанных с пребыванием в Риме царственных заложников, было крайне мало и хоть сколько-нибудь продуманная политика в этом направлении отсутствовала в принципе, то с установлением Империи ее основатель, Август, начал проводить политический курс, направленный на создание целой системы зависимых от Рима клиентских государств во главе с монархами, которые, живя в Риме на положении заложников, воспитывались, получали образование и подвергались романизации с тем, чтобы в дальнейшем служить императору в качестве верных вассалов и проводников римского влияния на периферии. В силу ряда причин эта политика не увенчалась успехом, и преемники Августа постепенно от нее отказались.

Ключевые слова: Римская империя, клиентские цари, вассальные царства, Август, «мягкая сила», царица Эрато, царица Муза, Архелай I Филопатор, Фраат IV, Ирод I Великий

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: Поступила в редакцию: 31.01.2024. Принята к публикации: 01.04.2024.

© Никишин В.О., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: *Никишин В.О.* Институт заложничества в римской политической практике в конце Республики и в начале Империи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 3. С. 267–315. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-3-267-315>

The institution of hostages in Roman political practice at the end of the Republic and at the beginning of the Empire

Vladimir O. Nikishin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉ cicero74@mail.ru

Abstract. The relevance of the research topic is due to the fact that even at the end of the first quarter of the 21st century the term “hostages”, meaning persons unlawfully held to achieve some goal (military, political, economic, etc.), has by no means disappeared from the political vocabulary. Of course, between the political institution of hostages, which became widespread in the ancient world and was an important element of the diplomatic practice of that epoch, and hostages, who in modern times were repeatedly captured and forcibly held by terrorists and extremists of all stripes, who did not stop at killing or causing grave harm to the health of the captured people, a huge distance has passed. The purpose of this study is to identify the features of the institution of hostage in antiquity using the example of ancient Rome. Having analyzed the sources, the author came to the conclusion: if during the epoch of the Republic there were very few episodes associated with the stay of royal hostages in Rome and there was no well-thought-out policy in this direction in principle, then with the establishment of the Empire its founder, Augustus, began to pursue a political course aimed at creating an entire system of client states dependent on Rome, led by monarchs who, living in Rome as hostages, were raised, educated and subjected to Romanization in order to subsequently serve the emperor as loyal vassals and conductors of Roman influence in the periphery. For a number of reasons, this policy was not successful, and Augustus’ successors gradually abandoned it.

Keywords: Roman Empire, client kings, vassal kingdoms, Augustus, “soft power”, queen Erato, queen Muse, Archelaus I Philopator, Phraates IV, Herod I the Great

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

Article history: Received: 31.01.2024. Accepted: 01.04.2024.

For citation: Nikishin V.O. The institution of hostages in Roman political practice at the end of the Republic and at the beginning of the Empire. *RUDN Journal of World History*. 2024;16(3):267–315. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-3-267-315>

Введение

С древнейших времен римляне давали другим и сами брали заложников — *obsides* — в качестве гарантов исполнения заключенного договора, о чем неоднократно сообщает в своей «Истории» Тит Ливий (II. 13. 4–10; IX. 15. 7; XXXVI. 40. 3; XXXVII. 45. 16). Иногда подобная акция имела своей целью

продемонстрировать превосходство римлян над их партнерами по переговорам. Об одном таком эпизоде повествует тот же Ливий: вступив в переговоры с римлянами, македонский царь Персей «дал в заложники Гиппия и Пантавха, знатнейших своих друзей, которые раньше были его послами. Заложников потребовали не столько ради обеспечения верности, сколько с целью показать союзникам, что встреча царя с легатами происходит далеко не на равных» (XLII. 39. 7. *Здесь и далее пер. Н.Н. Трухиной*). В этой статье мы сосредоточимся на тех заложниках, которые представляли в Риме царские дома Востока.

Вначале отметим такой существенный момент: значение слова *obses* («заложник») в античности сильно отличалось от современного. Об этом, в частности, свидетельствует то обстоятельство, что те августейшие *obsides*, о которых далее пойдет речь, как правило, не испытывали особых стеснений в плане свободы передвижения, вращались в высших кругах римского общества, завязывая полезные знакомства, которые могли им пригодиться в будущем [8. Р. 9–10], посещали школы вместе с представителями римской знати, изучали греческий и латынь [15. С. 40]. Таким образом, пребывание в Риме, вне всякого сомнения, шло этим людям на пользу. Как писал в начале II в. в одной из своих сатир Ювенал, «только взгляни, что делают связи: заложником прибыл — здесь человеком стал» (*aspice quid faciant commercia: venerat obses, hic fiunt homines*) (II. 166–167. *Пер. Д.С. Недовича*).

Заложники — представители эллинистических царских домов

Одним из таких заложников был Деметрий, младший сын македонского царя Филиппа V (221–179 гг. до н.э.), отправленный в Рим после поражения его отца во Второй Македонской войне (Polyb. XVIII. 39. 5; Liv. XXXIII. 13. 14; 30. 10; XL. 15. 8; Plut. Flam. 9). В 191 г. до н.э., проведя в Риме пять лет, Деметрий с милостивого разрешения сената вернулся на родину (Polyb. XXI. 2. 3; Liv. XXXV. 31. 5; XXXVI. 35. 13; App. Maced. 9. 5; Syr. 20). Годы, проведенные в Вечном городе, не прошли для царевича бесследно: видевшие во вчерашнем заложнике будущего царя Македонии сенаторы не сомневались в преданности Деметрия интересам Рима (Liv. XXXIX. 47. 10). В дальнейшем явные знаки благоволения, которые сенат выказывал своему протезе, его же и погубили (Liv. XXXIX. 48. 1) [подробнее об этом см.: 10].

В случае с Деметрием ситуация более или менее ясна: его отец проиграл войну и был вынужден заключить с Римской республикой крайне невыгодный для себя договор, соблюдение которого гарантировалось пребыванием Деметрия в Риме. Нет ничего удивительного в том, что римская правящая элита постаралась превратить македонского царевича в убежденного романофила, которого со временем можно было бы сделать вассальным царем Македонии. Этот сценарий не реализовался: судьба Деметрия сложилась печально (он был убит по приказу отца: Just. XXXII. 2. 10); тем не менее, сама

тема пребывания в Риме царственных *obsides* с Востока имела продолжение. Время от времени сенат официально соглашался принять на берегах Тибра представителя одного из тех царских домов Востока, с которыми римская *civitas* находилась в дипломатических отношениях. Как правило, речь шла о союзном и/или вассальном государстве, правитель которого, исходя из собственных политических интересов, направлял в Рим сына, племянника или другого своего родственника на более или менее длительный срок, официально — с целью получения образования, неофициально — цели могли быть самыми разными, от подтверждения лояльности до попытки избавиться от потенциального конкурента в борьбе за власть. Яркий тому пример — эпизод с царевичем Ариаратом, о котором сообщают Ливий (XLII. 19. 3–6) и Диодор (XXXI. 19. 7). По сведениям Ливия, в 172 г. до н.э. в Рим прибыл малолетний (*puer*) каппадокийский царевич Ариарат, старший сын царя Ариарата IV Эвсеба (220–163 гг. до н.э.) и Антиохиды, дочери заклятого врага Рима Антиоха III (223–187 гг. до н.э.). Как пишет римский историк, отец «направил сына в Рим на воспитание, чтобы тот с детства привык к римским порядкам и к римлянам» (XLII. 19. 4). Такова была официальная версия. На самом деле, как считает О.Л. Габелко, Ариарат IV, намереваясь передать престол младшему сыну, Митридату (будущему Ариарату V), отправил старшего отпрыска в Рим, чтобы тем самым избавить своего любимца от потенциального конкурента [3. С. 107–108]. Дальнейшая судьба старшего сына Ариарата IV неизвестна; не подлежит сомнению лишь то, что царем Каппадокии он так и не стал (Diod. XXXI. 19. 8).

Порой пребывание в Риме членов эллинистических династий затягивалось на долгие годы. Так, после поражения, понесенного Антиохом III в войне с римлянами, в Италию в качестве заложника отправился его младший сын Антиох (Liv. XLII. 6. 9; XLIV. 19. 8; Per. 41; 1 Макк 1. 10; Athen. X. 438 d), будущий царь Антиох IV Эпифан [подробнее об этом см.: 1]. Он находился в Риме в 189–178 гг. до н.э. Годы, проведенные Антиохом в Вечном Городе, где он вращался в высших кругах (Just. XXXIV. 3. 2), не прошли даром, и, став царем (175 г. до н.э.), он сохранял лояльность по отношению к Риму [6. С. 128]. Антиох IV, несомненно, испытал сильное влияние римской культуры повседневности: известно, что он любил переодеваться в тогу и, сидя в курульном кресле на агоре, вершил суд (Polyb. XXVI. 1. 3–5; Liv. XLI. 20. 1; Diod. XXIX. 32. 1), на досуге устраивал гладиаторские игры, прихотив к кровавым зрелищам местную молодежь (Liv. XLI. 20. 11–13), а в Антиохии даже выстроил храм Юпитера Капитолийского (*ibid.* 9; Per. 41).

В роли заложника Антиоха в Риме сменил его племянник Деметрий — сын Селевка IV Филопатора (187–175 гг. до н.э.), будущий Деметрий I Сотер (Just. XXXIV. 3. 6; App. Syr. 45). Он провел в Риме 16 лет (178–162 гг. до н.э.). Условиями своего содержания Деметрий остался доволен: уже будучи царем, в знак своей признательности он отправил в Рим золотой венок (App. Syr. 47).

У него сложились прекрасные личные отношения со многими представителями римской правящей элиты, тем не менее, его кандидатура на престол Селевкидов не устраивала сенат, который решил поддержать двоюродного брата Деметрия, 9-летнего Антиоха V Эвпатора (Polyb. XXXI. 12. 37–38; App. Syr. 46). Не смирившийся с таким оборотом дела Деметрий в 162 г. до н.э. с помощью своего друга, известного историка Полибия, бежал из Рима и вскоре, осуществив переворот у себя на родине, взошел на престол (Polyb. XXXI. 20. 61–22. 72; Athen. X. 440 b; Jos. Ant. Jud. XII. 10. 1; App. Syr. 47; Just. XXXIV. 3. 8–9). Характерно, что убийство легитимного правителя, 11-летнего царя Антиоха V, и его регента Лисия, осуществленное по приказу Деметрия I (Jos. Ant. Jud. XII. 10. 1; App. Syr. 47; Just. XXXIV. 3. 9), не помешало сенату сперва признать узурпатора законным царем (Polyb. XXXII. 4. 8), а впоследствии поддержать притязания на власть «детей» Антиоха IV — царевны Лаодики и самозванца Александра Баласа (Polyb. XXXIII. 18. 12–14). Здесь, как и во многих других случаях, сенат следовал своей традиционной политике *divide et impera* («разделяй и властвуй»). В 150 г. до н.э. Деметрий I Сотер погиб в борьбе с Александром Баласом (Jos. Ant. Jud. XIII. 2. 4).

«Проект Августа»

Прошло более ста лет, возможно, самых бурных в истории Рима, и вот уже Август, утвердившись в роли властителя огромной Средиземноморской державы, взял на вооружение практику романизации отпрысков чужеземных властителей. Если в республиканскую эпоху подобных случаев было крайне мало и ни о какой продуманной политике в этом направлении говорить не приходилось, то Август начал проводить политический курс, направленный на создание целой системы зависимых от Рима клиентских, или клиентных монархий [8. С. 10]. Вассальные правители, которых Тацит назвал как-то “*servientes reges*” (Hist. II. 81. 1), т.е. «царями-прислужниками», *de jure* являлись «друзьями и союзниками римского народа», а *de facto* — клиентами римской *civitas* [7. С. 135]. Тот же Тацит в «Агриколе» (14. 2) презрительно охарактеризовал их как «орудия рабства» (*instrumenta servitutis*). О политике Августа по отношению ко всем этим *servientes reges* Светоний сообщает следующее: «Царства, которыми он овладел по праву войны, он почти все или вернул прежним их властителям, или передал другим иноземцам. Союзных царей он связывал друг с другом взаимным родством, с радостью устраивая и поощряя их брачные и дружеские союзы. Он заботился о них, как о частях и членах единой державы, приставлял опекунов к малолетним или слабоумным, пока они не подрастут или не поправятся, а многих царских детей воспитывал и обучал вместе со своими» (Aug. 48. *Пер. М.Л. Гаспарова*). Некоторых из вассальных царей Август не забыл и в своем завещании (Dio Cass. LVI. 32. 2). Характерно, что император отнюдь не принуждал облеченных властью

родителей присылать своих сыновей в Рим: инициатива всегда исходила от самих царей [8. С. 12]. Несомненно, Август рассчитывал в дальнейшем сделать из этих людей проводников политического и культурного влияния Рима в ряде сопредельных и/или подконтрольных ему стран [5. С. 145]. Таким образом, вчерашние заложники (*obsides*) становились инструментами той «мягкой силы», которую императорская администрация стремилась с большим или меньшим успехом использовать на периферии державы.

Парфянские заложники

В частности, Август пытался использовать эту «мягкую силу» в отношении соседней Парфии, но действовал он в этом направлении весьма осторожно и деликатно, избегая каких бы то ни было резких движений. Военным действиям на Востоке император предпочитал дипломатию. Так, он не стал помогать узурпатору Тиридату II (31–30, 26–25 гг. до н.э.), однако предоставил ему убежище, немалое содержание и отказал в его выдаче парфянам; впрочем, рассчитывая на продолжение мирного диалога с царем Фраатом IV (38–2 гг. до н.э.), Август отпустил домой его сына, который был задержан им в качестве заложника (*Dio Cass. LI. 18. 3; LIII. 33. 2; Just. XLII. 5. 8–9*). Спустя два десятилетия, в 9 г. до н.э., Фраат IV по собственной инициативе прислал в Рим четырех своих сыновей и четырех внуков, всего восемь человек [2. С. 164; 5. С. 136; 8. Р. 12]. Об этой парфянской акции сообщает целый ряд источников (*RGDA. 32. 2; Suet. Aug. 21. 3; 43. 4; Eutrop. VII. 9; Strabo. VI. 4. 2; XVI. 1. 28; Just. XLII. 5. 12; Vell. II. 94; Jos. Ant. Jud. XVIII. 2. 4; Oros. Hist. VI. 21. 29*). Разумеется, возникает вопрос о мотивации царя. Парфянские источники по понятным причинам молчат на сей счет. Официальная точка зрения римской стороны изложена от имени Августа в *RGDA. 32. 2*: царь прислал в Рим своих детей и внуков, ища «нашей дружбы» (*amicitiam nostram... retens*). Таким образом, сам факт отправки царевичей в Рим Август «преподнес римской общественности как очередной символ признания парфянами превосходства Рима» [5. С. 146].

С такой оценкой не согласился Корнелий Тацит. По его мнению, Фраат IV сделал это «не столько из страха пред нами, сколько из недоверия к своим соплеменникам» (*Ann. II. 1. 2. Здесь и далее пер. А.С. Бобовича*). Когда спустя без малого шесть десятилетий, в 49 г., ко двору Клавдия прибыла очередная группа парфянских заложников (*obsides*), тот же Тацит так объяснил мотивацию парфян: «Для того и отдают они нам заложниками царских детей, чтобы иметь возможность, если властитель их родины станет им в тягость, обратиться к принцепсу и сенаторам и получить от них более приемлемого и усвоившего наши нравы царя» (*Ann. XII. 10. 2*). Иосиф Флавий (*Ant. Jud. XVIII. 2. 4*) объясняет решение Фраата IV происками его жены Музы, коварной интриганки то ли италийского, то ли малоазийского происхождения [4. С. 62],

которая 7 лет спустя отравила мужа, чтобы посадить на престол своего сына Фраатака, вошедшего в историю под именем Фраата V (2 г. до н.э. — 4 г. н.э.). Приведенные сентенции Тацита и Флавия сходятся в главном: отправка в Рим царских отпрысков была одним из эпизодов в той циничной и беспощадной борьбе за власть, которая, то усиливаясь, то затихая, велась при царском дворе в Ктесифоне. Сам Фраат IV в свое время, чтобы занять престол и усидеть на нем, убил отца, царя Орода II, тридцать братьев и даже своего старшего сына (Plut. Crass. 33; Ant. 37; Just. XLII. 5. 1–2). По мнению А.Р. Панова, «передача наследников была вызвана предчувствием династической оппозиции, и решение отправить их в Рим имело свои преимущества» [5. С. 144].

Что касается сыновей Фраата IV, то в дальнейшем судьба их сложилась по-разному: Сераспадан и Родасп умерли в Риме (CIL VI. 1799), Вонон и Фраат вернулись в Парфию (Jos. Ant. Jud. XVIII. 2. 4; Tac. Ann. II. 2; VI. 32). В 7 г. парфяне, убив Орода III (4–7 гг.), сами обратились к Августу с просьбой дать им в цари Вонона. Император согласился, и Вонон [см. о нем: 7. Р. 68], получивший в Риме греко-римское воспитание и образование, стал царем Парфии (RGDA. 33; Jos. Ant. Jud. XVIII. 2. 4). Парфянская знать скоро разочаровалась в новом царе: для них он был «чужаком» (*externus*) (Tac. Ann. II. 1. 1), «отравленным вражескими навыками» (*hostibus artium infectus*) (Tac. Ann. II. 2. 3. *Пер. авт.*). Сам Вонон I (7–12 гг.) опрометчиво не счел нужным скорректировать свое поведение в чуждой для него культурной среде и тем самым только усугубил собственное и без того шаткое положение: по словам Тацита, «чуждый обычаям предков (*diversus a maiorum institutis*), он редко охотился и был равнодушен к конным забавам; на улицах городов появлялся не иначе как на носилках и пренебрегал такими пирами, какими они были на его родине. Вызывали насмешки и его приближенные греки (*inridebantur et Graeci comites*)» (Ann. II. 2. 5–6). Привитые Вонону греко-римским воспитанием доступность и обходительность (*prompti aditus, obvia comitas*) в глазах подданных царя выглядели не как добродетели (*virtutes*), а как пороки (*vitia*) (*ibid.* 6). «И поскольку все это было несходно с их нравами (*quia ipsorum moribus aliena*), они питали равную ненависть и к дурному, и к хорошему в нем» (*loc. cit.*).

Прошло совсем немного времени, и против римского ставленника выступил представитель младшей ветви династии Аршакидов, Артабан III (12–38 гг.), чья юность прошла среди воинственных кочевников-дагов, или дахов (*apud Dahas adultus*) (Tac. Ann. II. 3. 1). В борьбе с Артабаном Вонон I терпит поражение и бежит в Великую Армению (*ibid.* 2). Такой исход военно-политического противостояния был символичен: «отравленного» греко-римской цивилизацией незадачливого Вонона I одолел харизматичный лидер «национальной» оппозиции Артабан III, которому удалось воссоздать могущество Парфянской державы [9. С. 48]. Прочарствовав несколько лет в Великой Армении (12–16 гг.), Вонон уехал в Сирию (Tac. Ann. II. 4. 3–4; Jos.

Ant. Jud. XVIII. 2. 4), а в 19 г. был убит римлянами в Киликии (Tac. Ann. II. 68. 3–4; Suet. Tib. 49).

Тот же Тацит противопоставляет жестокость «воспитанного среди скифов» Артабана III «мягкому характеру» (*ingenium*) получившего воспитание и образование в Риме (*Romanas per artes*) еще одного представителя династии Аршакидов — внука Фраата IV, Тиридата (Ann. VI. 41. 2). Характерно, что «изнеженный на чужбине» (*externa mollitia*) (Ann. VI. 43. 4) римский ставленник Тиридат III (35–36 гг.) проиграл борьбу за власть Артабану III (Ann. VI. 44. 1–7). Годом ранее по просьбе мятежной парфянской знати Тиберий отправил в Парфию очередного римского ставленника — престарелого Фраата, младшего сына Фраата IV, прожившего в Риме более 40 лет (Ann. VI. 31. 4–32. 1). Однако Фраат VI, едва добравшись до Сирии и сменив «образ жизни, усвоенный за долгие годы пребывания в Риме, на непривычный парфянский уклад, заболел и умер (*Phraates apud Syriam dum omissis cultu Romano, cui per tot annos insueverat, instituta Parthorum sumit, patriis moribus impar morbo absumptus est*)» (Ann. VI. 32. 4). Таким образом, в очередной раз конфликт между *cultus Romanus* и *instituta Parthorum* разрешился смертью человека, ставшего «чужим среди своих».

Сын злополучного Вонона I Мегердат, подобно отцу, был «воспитанником Рима» (*alumnus Urbis*) (Tac. Ann. XII. 11. 3. Ср.: Ann. XI. 10. 4; XII. 10. 1–4). Враги Мегердата из числа его соотечественников видели в нем «чужеземца и римлянина» (*alienigenam et Romanum*) (Tac. Ann. XII. 14. 6). На роль римского ставленника в Парфии Мегердат был выбран императором Клавдием в 48 г. Однако он пал жертвой своего легкомыслия и чужого коварства: претендент на трон Аршакидов был побежден на поле брани, вероломно захвачен в плен и искалечен (ему отрезали уши) по приказу своего более удачливого соперника Готарза II (loc. cit.). Зачастую вассальные правители пограничных областей, оказавшихся словно в тисках между Римом и Парфией, пытались лавировать между могущественными соседями на свой страх и риск, стремясь, образно говоря, усидеть на двух стульях (Jos. Ant. Jud. XX. 2. 4; 3. 4). Так, царь Адиабены Изат II (36–60 гг.), опасаясь интриг со стороны своих родственников, отправил их вместе с семьями в качестве заложников одних в Рим, других в Парфию (Jos. Ant. Jud. XX. 2. 4). Однако усидеть на двух стульях ему не удалось: когда парфянский царь Вардан I (39–47 гг.) предложил Изату заключить союз против Рима и тот отказался, Вардан объявил войну ему самому (Jos. Ant. Jud. XX. 3. 4).

Армянские заложники

При Юлиях-Клавдиях в Риме жили и воспитывались будущие вассальные армянские цари — Тигран III (20–8 гг. до н.э.), Тигран V (6–12 гг.) и Тигран VI (60–63 гг.). После убийства проримски настроенной армянской знатью царя

Великой Армении Арташеса II Август возвел на престол его младшего брата Тиграна, который тогда находился в Риме (Dio Cass. LIV. 9. 4–5; Suet. Tib. 9. 1; Jos. Ant. Jud. XV. 4. 3; Tac. Ann. II. 3. 4; RGDA. 27. 2). О том, как стремительно романизовалась в Риме армянская молодежь, в одной из своих сатир пишет Ювенал (II. 164–170). Согласно оценке А.Г. Бокщанина, Тигран III был «по-слушным агентом» римлян [2. С. 157. См. также: 16. P. 13 ff.; 17. P. 323 ff.]. Далее, внук каппадокийского царя Архелая I Филопатора (36 г. до н.э. — 17 г. н.э.) игран (его родителями были Александр, сын Ирода I Великого, и Глафира, дочь Архелая I Каппадокийского: Jos. Ant. Jud. XVII. 1. 2; XVIII. 5. 4), родившийся в Иерусалиме, но воспитанный в Риме, по воле Августа в 6 г. н.э. взшел на престол Великой Армении (RGDA. 27. 2), став Тиграном V, однако уже спустя несколько месяцев, по-видимому, под давлением «национально» ориентированной армянской аристократии, был вынужден разделить власть с дочерью Тиграна III, сестрой и супругой Тиграна IV царицей Эрато (6–12 гг.) [11. С. 62]. В 12 г. Тигран V был свергнут, а в 36 г. Тиберий приказал его казнить (Tac. Ann. VI. 40. 2; Jos. Ant. Jud. XVIII. 5. 4).

Наконец, в 60 г. Нерон посадил на армянский престол племянника злополучного Тиграна V — царя Тиграна VI (Tac. Ann. XIV. 26. 1; Jos. Ant. Jud. XVIII. 5. 4), который доводился правнуком сразу двум вассальным царям — Ироду I Великому и Архелая I Филопатору. Как пишет Тацит, «длительное пребывание в Риме заложником воспитало в нем (Тигране. — В.Н.) рабскую приниженность» (*usque ad servilem patientiam demissus*) (Ann. XIV. 26. 1). По мнению историка, гордая парфянская знать должна была презирать Тиграна как римского ставленника, который не только был «чужеземцем» (*alienigena*), но и долгие годы жил в Риме как заложник (*obses*), что для Тацита было равносильно жизни в рабстве (*in mancipia*) (Tac. Ann. XV. 1. 2). Характерно, что власть в Великой Армении Тигран VI удерживал, опираясь на римский воинский контингент и помощь соседних вассалов Рима (Tac. Ann. XIV. 26. 3). Как только парфяне нанесли жестокое поражение римским легионам, Тиграну VI пришлось уступить престол парфянскому ставленнику Тиридату I [2. С. 195 слл.].

Иродиады в Риме

Во времена Августа в Риме проживали также отпрыски «союзника и друга римского народа» Ирода I Великого, который «введением иноземных начинаний подтачивал издревле сложившийся и нерушимый строй жизни» (Jos. Ant. Jud. XV. 8. 1. Пер. Г.Г. Генкеля. См.: Jos. Ant. Jud. XV. 10. 1; XVII. 1. 3; 4. 3; Bell. Jud. I. 22. 2; 23. 1; 31. 1; 32. 2) [8. P. 10–11; 13. P. 14]. Всего при дворе Августа в разное время побывало восемь сыновей царя Ирода. Один из его внуков, будущий вассальный царь Иудеи Ирод Агриппа I Великий (41–44 гг.), в юности воспитывался и обучался вместе с сыном Тиберия, Друзом Младшим (Jos.

Ant. Jud. XVIII. 6. 1). О тесных связях потомков Ирода Великого с римским императорским домом свидетельствуют, в частности, их имена: Агриппа I получил свое имя, видимо, в честь зятя Августа и личного друга царя Ирода, Марка Випсания Агриппы [8. С. 77], сыновья Агриппы I получили имена Агриппы и Друза (Jos. Ant. Jud. XVIII. 5. 4). Человек неглупый и дипломатичный, Ирод Агриппа пользовался расположением императоров Калигулы и Клавдия, с которыми он был дружен еще в те времена, когда жил и воспитывался в Риме (Jos. Ant. Jud. XVIII. 6. 4–5): первый в 37 г. даровал ему царский титул и передал территории тетрархий Филиппа и Лисания (*ibid.* 10), а в 39 г. присоединил к его царству тетрархию Ирода Антипы (Jos. Ant. Jud. XVIII. 7. 2), второй отдал Агриппе Иудею и Самарию (Jos. Ant. Jud. XIX. 5. 1). В результате в 41 г. в руках Агриппы I сосредоточились все владения его деда Ирода Великого. Правя под бдительным надзором императорских прокураторов, Агриппа строго соблюдал все религиозные предписания иудаизма и умел ладить как со своими подданными, так и с иноземцами (Jos. Ant. Jud. XIX. 6. 1; 7. 3).

Будучи человеком греко-римской культуры, Агриппа I построил в Берите (совр. Бейрут) театр и амфитеатр, термы и портики, устраивал гладиаторские бои (Jos. Ant. Jud. XIX. 7. 5). В 44 г. в Кесарии Палестинской он на римский манер организовал игры в честь Клавдия (Jos. Ant. Jud. XIX. 8. 2). Неудивительно, что у царя было немало противников, недовольных не только его увлечением греко-римской культурой, но и пресмыкательством перед римскими провинциальными властями: известие о смерти Агриппы I в народе было встречено с ликованием (Jos. Ant. Jud. XIX. 9. 1). Его сын, Ирод Агриппа II (48–92/93 гг.), как и отец, в юности воспитывался в Риме, но уже при дворе Клавдия (*ibid.* 2). Престол своего отца он унаследовал не сразу. В 48 г., после смерти дяди, царя Ирода II Халкидского, Агриппа получил от Клавдия титул царя Халкиды и смотрителя за Иерусалимским храмом (Jos. Ant. Jud. XX. 5. 2; 9. 7; Bell. Jud. II. 12. 1). В 53 г. Клавдий отобрал у Агриппы Халкиду, но взамен передал ему земли бывшей тетрархии Филиппа (Jos. Ant. Jud. XX. 7. 1; Bell. Jud. II. 12. 8). В 61 г. Нерон еще более расширил владения Агриппы II, отдав ему Тивериаду и юг Перее (Jos. Ant. Jud. XX. 8. 4). Став царем Иудеи, Агриппа начал чеканить монеты с изображением императора, иногда с собственным профилем и языческой символикой, тем самым грубо оскорбляя религиозные чувства своих подданных [монеты Агриппы II см.: 14. Р. 139–169].

Агриппа II много строил, украшая Кесарию Филиппову, переименованную им в Неронию в честь Нерона (61 г.), однако эта деятельность отнюдь не прибавила ему популярности среди подданных (Jos. Ant. Jud. XX. 9. 4). Несмотря на все свои старания (Jos. Bell. Jud. II. 16. 3–4), не пользовавшийся уважением подданных царь не сумел предотвратить восстание иудеев и был вынужден бежать из Иерусалима под градом камней (Jos. Bell. Jud. II. 17. 1). В дальнейшем Агриппа II деятельно помогал римлянам подавлять мятеж

(Tac. Hist. V. 1). В 75 г. этот римский вассал получил от Веспасиана в награду за верность знаки преторского достоинства — *ornamenta praetoria* (Dio Cass. LXVI. 15. 4). Кроме того, Веспасиан еще более расширил владения Агриппы (Phot. Bibl. Cod. 33), который умер в Риме — когда точно, неизвестно, но явно до 94 г., когда Флавий завершил работу над «Иудейскими древностями» (Jos. Ant. Jud. XX. 11. 1). Со смертью Агриппы II пресеклась династия Ирода Великого, и бывшие владения последнего иудейского царя перешли под прямое управление римских провинциальных властей.

Заключение

Таким образом, если в эпоху Республики пребывание в Риме в качестве заложников представителей восточных царских династий носило случайный и бессистемный характер, а потому не имело хоть сколько-нибудь существенных политических результатов, то с приходом к власти Августа оно стало важным компонентом целенаправленного политического курса, ориентированного на создание на периферии Римской державы цепи вассальных царств во главе с клиентскими монархами, «друзьями и союзниками римского народа» (*amici et socii populi Romani*). В конечном итоге «проект Августа» не оправдал себя (главным образом из-за того, что римские ставленники зачастую воспринимались своими подданными как чужаки и коллаборанты, а потому были не в состоянии не только эффективно управлять, но даже удержаться у власти на более или менее продолжительный срок) и был отвергнут преемниками основателя Принципата, постепенно превратившими клиентские царства в провинции под управлением римских администраторов.

Библиографический список

1. Анохин А.С. «Римское» в политике Антиоха IV Эпифана // Человек, семья, нация в контексте мировой культуры: сб. докладов XXXIV Всерос. науч. конференции «Добролюбовские чтения-2010» и Всерос. науч.-практич. конференции «К молодой семье через культуру» / под ред. Г.А. Дмитриевской, В.М. Строецкого. Н. Новгород, 2010. С. 102–108.
2. Бокщанин А.Г. Парфия и Рим: исследование о развитии международных отношений позднего периода истории античного мира. Ч. II. Система политического дуализма в Передней Азии. М. : Издательство МГУ, 1966.
3. Габелко О.Л. К династической истории эллинистической Каппадокии: царский дом Ариаратидов // Античный мир и археология. 2009. Вып. 13. С. 92–119.
4. Новиков С.В. Муза — царица парфян (авантюристка на троне?) // Вестник МГУ. Сер. «История». 1990. № 4. С. 55–68.
5. Панов А.Р. Август и парфянские заложники в Риме // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 1. С. 136–149.
6. Ранович А.Б. Эллинизм и его историческая роль. М. ; Л. : Издательство АН СССР, 1950.
7. Bivar A.D.H. The Political History of Iran under the Arsacids // The Cambridge History of Iran / ed. by E. Yarshater. Vol. 3. (1). Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

8. *Braund D.C.* Rome and the Friendly King: The Character of the Client Kingship. London : Croom Helm, 1984.
9. *Colledge M.A.R.* The Parthians. London : Thames & Hudson, 1967.
10. *Edson C.F.* Perseus and Demetrius // Harvard Studies in Classical Philology. 1935. Vol. 46. P. 191–202.
11. *Garsoïan N.* The Emergence of Armenia // The Armenian People from Ancient to Modern Times. Vol. I. The Dynastic Periods: From Antiquity to the Fourteenth Century / ed. by R.G. Hovannisian. New York : St. Martin's Press, 1997. P. 37–62.
12. *Harris W.V.* War and Imperialism in Republican Rome, 327–70 B.C. Oxford : Clarendon Press, 1979.
13. *Leon H.J.* The Jews of Ancient Rome. Philadelphia : The Jewish Publication Society of America, 1960.
14. *Madden F.W.* Coins of the Jews. London : Trübner & Company, 1881.
15. *Matthews J.* Hostages, Philosophers, Pilgrims and the Diffusion of the Ideas in the Late Roman Mediterranean and Near East // Tradition and Innovation in Late Antiquity / ed. by F.M. Clover, R.S. Humphreys. Madison : University of Wisconsin Press, 1989. P. 29–51.
16. *Newell E.T.* Some Unpublished Coins of Eastern Dynasts (Numismatic Notes and Monographs. № 30). New York : The American Numismatic Society, 1926.
17. *Sherwin-White A.N.* Roman Foreign Policy in the East 168 B.C. to A.D. 1. London : Duckworth, 1984.

Информация об авторе:

Никишин Владимир Олегович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, 119234, Российская Федерация, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, e-mail: cicero74@mail.ru.
ORCID: 0000-0003-2209-5357